

ПОЧЕМУ СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ПРИВОДИТ К РАЗЛАДУ ЧЕЛОВЕКА С ПРИРОДОЙ

А. Б. Вебер¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
117218, Россия, Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

Для цитирования: Вебер А. Б. Почему социальное развитие приводит к разладу человека с природой // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 1. С. 9–26. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7092

Аннотация. В статье затрагиваются вопросы социального развития, связанные с проблемой взаимоотношений общества и природы. Субъект социального развития – человек, наделённый *разумом*, то есть способностью создавать средства для жизни, используя природные ресурсы в своих интересах и целях. Но в этом нет заранее принятой общей цели, *вектор* развития определяется стихийными предпосылками, как совокупный результат действий множества людей, побуждаемых различными мотивами, обусловленными обстоятельствами, которые они сами не выбирали. Непреднамеренным следствием такого развития становятся нарушения природной среды, сначала локальные, а с переходом к промышленной эре – в глобальном масштабе. Роль человека в этом процессе обусловлена его дуалистической родовой сущностью, дихотомией *частных* и *общих* интересов. Современное общество гипертрофирует частные интересы, порождая тип «эгоистического индивида» с его потребительскими ожиданиями, и экономический рост, который уже вышел за пределы биосферного потенциала планеты. Осознание стихийных предпосылок развития приводит к пониманию необходимости его сознательного регулирования и контроля. На смену развитию, подчинённому частным интересам, должно прийти развитие, направляемое общим интересом выживания и сохранения природы в пригодном для жизни состоянии. На такую перспективу нацеливает концепция *устойчивого развития*. Нельзя заставить биосферу развиваться «в сторону человека», но можно изменять ценностные ориентации, поведение, способы производства и потребительские привычки «в сторону природы». Это долгий и трудный путь. Инерция сопротивления велика, поэтому будущее остаётся неопределённым.

Ключевые слова: социальное развитие; природная среда; общество индивидов; сущность человека; частные интересы; общие интересы; осознание стихийности; пределы роста; устойчивое развитие.

Введение

Планетарные масштабы стихийных бедствий последнего времени стали новым грозным напоминанием о том, насколько зависимо в конечном счёте человечество (несмотря на все впечатляющие достижения цивилизации) от природной среды. Сохранение её в пригодном для обитания человека состоянии – непреложное условие продолжения существования человеческого рода, да и вообще жизни на Земле. В экспертном сообществе сложилось понимание того,

что социальное развитие необходимо изучать, оценивать и прогнозировать в самом широком социоприродном контексте, то есть с точки зрения взаимосвязи и взаимовлияния общества и природной среды.

Первооснова, необходимая предпосылка этой взаимосвязи – *обмен веществ* между человеком и природой, те процессы, которые ещё называют «социально-экологическим метаболизмом» [Яницкий, 2016]. Понятно также, что социальное развитие – нечто большее, чем просто «обмен веществ». Природу и общество можно и нужно рассматривать в их взаимосвязи, как единую систему, но с той оговоркой, что социальное развитие отличается от биологической эволюции, так как в первом случае субъектом выступает человек, наделённый *разумом*, способностью передавать информацию путём социального наследования, производить средства для жизни, создавать и совершенствовать орудия труда, использовать и преобразовывать для своих нужд природные ресурсы, изменять способы производства и формы своего общественного бытия. Активное, целенаправленное отношение к внешней природе получило на определённом этапе религиозное освящение, которое в иудео-христианской традиции оформилось как представление о божественном предназначении человека господствовать над природой.

Благодаря механизму коллективного взаимодействия людей в производстве и воспроизводстве условий жизни, основанному на речевой коммуникации и обмене информацией, т. е. накоплению практических знаний, умений, коллективного опыта, темпы развития человека и численного роста населения планеты стали ускоряться, особенно с переходом от традиционного к современному обществу. На более высоком уровне развития научно-технический прогресс, промышленная революция, индустриализация, урбанизация, успехи медицины привели к ситуации, когда антропогенное воздействие на природную среду стало выходить за пределы «несущей способности» биосферы.

Масштабы проблемы

*Не будем, однако,
слишком обольщаться
нашими победами над природой.
За каждую такую победу она нам мстит.*
Ф. Энгельс

Последствия хозяйственной деятельности человека для природной среды к настоящему времени хорошо изучены, документированы и, если можно так выразиться, «оцифрованы».

Превышение биоёмкости планеты. Под биоёмкостью (biocapacity) понимается способность экосистем регенерировать потребляемые людьми ресурсы и поглощать отходы. Биоёмкость, как и фактическое потребление, т. н. экологический

след (ecological footprint), измеряют в условных «глобальных гектарах» (гга) биологически продуктивной площади суши и акваторий, необходимой для воспроизводства потребляемых ресурсов и поглощения отходов в течение года. Учитывается, естественно, рост мирового населения. Согласно результатам исследований организации Global Footprint Network, в 2016 г. биологический баланс человечества в расчёте на душу населения выглядел следующим образом:

- Биологическая ёмкость планеты (воспроизводство) – 1,6 гга/чел.
- Экологический след человечества (потребление) – 2,8 гга/чел.
- Превышение порога биоёмкости (дефицит) – 1,2 гга/чел.

Таким образом, экологический след человечества уже превысил порог биоёмкости планеты на 75%. Это равнозначно тому, как если бы люди имели в своём распоряжении не одну планету, равную земному шару, а 1,75 такой планеты¹. Можно выразить это иначе: при нынешнем темпе роста потребления биоресурсов превышение порога биоёмкости (overshoot) наступает в течение нескольких месяцев, и этот период все более сокращается. В 2000 г. символическая календарная дата превышения пришлась на 4 октября, в 2019 г. – уже на 29 июля².

Мы берём ресурсы в долг у природы, и этот долг растёт! Впервые экологический след человечества превысил порог биоёмкости планеты в начале 1970-х гг., и затем этот разрыв продолжал нарастать, достигнув объёма, равного 17-летней земной биопродукции. Перед мировым сообществом маячила перспектива истощения некоторых возобновляемых ресурсов³. Сокращаются площади лесов, пахотных земель, запасы пресной воды, популяции позвоночных, рыбные ресурсы. И недопустимо растёт «углеродный след»: эмиссия продуктов сгорания ископаемого топлива превысила поглощающую способность земной поверхности⁴.

С социально-политической точки зрения особенно важно учитывать сильнейший диспаритет между странами мира по размерам их экологического следа. У одних стран, как правило промышленно развитых (США, Япония, большинство европейских стран), а также у развивающихся с большой численностью и / или плотностью населения (Китай, Индия и некоторые другие страны Азии), он намного больше порога биоёмкости, у других (как, например,

¹ National Footprint and Biocapacity Accounts 2019 Edition. URL: <https://www.footprintnetwork.org/resources/data> (дата обращения: 07.09.2019).

² Earth Overshoot Day was July 29. URL: https://www.overshootday.org/content/uploads/2019/07/2019_Past_Overshoot-Days-withlogo.jpg (дата обращения: 21.10.2019).

³ Это относится и к минеральным ресурсам. По данным специального исследования, в котором учитывался расход как возобновляемых, так и невозобновляемых ресурсов, в 123 странах из 140 оцениваемый природный капитал последние четверть века (1990–2014 гг.) сокращался в среднем на 0,7% ежегодно, тогда как их ВВП продолжал расти. При этом невозобновляемые ресурсы (ископаемое топливо) сокращались быстрее, чем возобновляемые [Inclusive..., 2018: 13, 14].

⁴ Аналогичные результаты измерения антропогенной нагрузки на биосферу в соотношении с биопродуктивностью были получены ранее российскими учёными [Горшков, 1995; Федотов, 2002].

у России) биосферный потенциал пока превышает уровень потребления ресурсов, т. е. ещё есть некий экологический резерв, хотя он постепенно сокращается. Разрыв в уровнях потребления природных ресурсов, при их ограниченности, — одна из главных в настоящее время причин международной напряжённости, вызываемой обострением борьбы за ресурсы и сферы влияния [Чумаков, 2018: 62–68].

Изменение климата. Нарастающие масштабы и темпы использования ископаемого топлива в качестве источника энергии привели к изменению климата на всей планете. По оценке Межправительственной группы экспертов по изменению климата, с 1750 по 2011 г. совокупный объём антропогенной эмиссии CO₂ в атмосферу составил 2040 (±310) млрд т. Половина этого количества пришлась на последние полвека. Часть выбросов (около 40%) осталась в атмосфере, вызвав существенное повышение в ней концентрации углекислоты — основной причины глобального потепления, провоцирующего изменение климата. Вероятность повышения средней приземной температуры на планете в текущем столетии, т. е. к концу XXI в., оценивается экспертами, согласно самому неблагоприятному, но реалистическому сценарию, в пределах от 2,6 до 4,8°С¹.

Повышение средней приземной температуры в период между 2030 и 2052 гг. эксперты прогнозируют как минимум на 1,5°С, что повлечёт дальнейшее увеличение рисков для природных систем и человека. Допускается, правда, возможность стабилизации глобального потепления к этому времени на уровне 1,5°С при условии ускорения темпов сокращения эмиссии CO₂. Но нужно, чтобы эмиссия сократилась при этом на 40% к 2030 г. и до нуля к 2050 г., что маловероятно².

Природные катаклизмы. Изменение климата сопровождается в последние несколько десятилетий всё более частыми стихийными бедствиями, связанными с погодой, — ураганами, штормами, наводнениями, сильной жарой, засухами, лесными пожарами. По данным специального доклада ООН, с 1995 по 2015 г. в мире произошло 6457 таких природных бедствий — до 90% от общего числа. По тем же данным, за два десятилетия в них погибло более 600 тыс. человек; 4,1 млрд пострадали, т. е. получили ранения, лишились жилья или оказались в категории лиц, нуждающихся в помощи³. Замечено, что число геофизических катастроф (землетрясения, извержения вулканов) остаётся практически неизменным, тогда как количество гидрометеорологических катастроф, связанных с нарушением устойчивости биосферы, растёт.

¹ Climate Change 2014: Synthesis Report. (Summary for Policymakers). URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr> (дата обращения: 24.09.2019).

² Global warming of 1,5°С. An IPCC Special Report on the impacts of global warming of 1,5°С. IPCC, 2018. URL: https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/sites/2/2019/05/SR15_SPM_version_report_LR.pdf (дата обращения: 15.08.2019)

³ Новости ООН, 23 ноября 2015 г. URL: <https://news.un.org/ru/story/2015/11/1275681> (дата обращения: 12.05.2016).

Загрязнение окружающей среды. Продукты сгорания топлива оседают в атмосфере. Сброс сточных вод отравляет реки и водоёмы. Химикаты загрязняют почву. Гербициды убивают пчёл. Кислотные дожди губят леса. Бытовой мусор оседает целыми островами на поверхности океанов. Загрязнение среды бумерангом бьёт по здоровью самих людей. По оценке экспертов, 3,5 млрд человек, т. е. половина мирового населения, живут на территориях, где уровень загрязнения воздуха (un-safe air quality) превышает порог безопасности для людей. В мире ежегодно из-за загрязнения воздуха преждевременно умирает более 5 млн человек [Wending et al., 2018: 39]. К 2060 г. эта цифра может достичь 6–9 млн. Заболеваемость вследствие загрязнения воздуха может к тому времени увеличиться в 3 раза – до 36 млн случаев в год у детей и до 10 млн случаев у взрослых [Upton, 2016]. Смертность от употребления небезопасной питьевой воды в странах Азии и Африки удалось несколько снизить, но там она по-прежнему велика. О тревожных последствиях климатических рисков для здоровья населения в России говорится в докладах Росгидромета [Доклад о климатических..., 2017]. Загрязнение среды и потепление климата способствуют распространению опаснейших эпидемий.

Экономический ущерб. Неуклонно растут экономические потери из-за изменения климата и связанных с этим природных бедствий. По оценке зарубежных источников, за период 2002–2012 гг. эти потери достигали 184 млрд долларов ежегодно (порядка 0,35% мирового ВВП). Но это оценка только прямого ущерба, который по сравнению с серединой XX в. увеличился в 22 раза [Порфирьев, Макарова, 2014: 1059, 1060]. С учётом косвенных издержек, связанных с потерями в выпуске продукции и в доходах, а также с затратами на ликвидацию последствий и помощь пострадавшим, совокупный ущерб от природных катаклизмов в несколько раз превышает эту цифру. Согласно оценке, относящейся к 1980–2010 гг., он мог достигать в тот период от 2,7 до 4% мирового ВВП ежегодно [Порфирьев, Макарова, 2014: 1068–1071]. Экономические потери от последствий загрязнения воздуха могут достичь к 2060 г. 1% мирового ВВП [Upton, 2016].

Социальное развитие в свете антропологии

*Вырастающее из планов, но незапланированное,
Движимое целями, но без цели
Н. Элиас*

*Экзамен на разумность мы ещё не сдали...
Частное мнение*

Разлад человека с природой коренится, следовательно, в самом развитии цивилизации, он становится побочным следствием активности людей как «одушевлённой силы природы» (Маркс), всё больших масштабов их воздействия

на внешнюю природу в стремлении использовать её в своих интересах и целях. Гипотеза «коэволюции общества и природы», выдвинутая в своё время академиком Н. Н. Моисеевым [Моисеев, 1995], натолкнулась на веское возражение: темпы развития в обществе и в природе несопоставимы, следовательно, нет оснований предполагать эволюцию биосферы «в сторону человека» [Данилов-Данильян, 1998]¹. В представлении, согласно которому сознательная деятельность человека ведёт к *взаимной* адаптации природы и общества и к преобразованию биосферы в качественно новое состояние «*ноосферы*», просматривается невольная, может быть, дань традиции телеологического мышления. На деле это человечество в конечном счёте должно приспособлять свою организацию и бытие к изменяющимся вследствие его же деятельности внешним природным условиям.

Следующее обстоятельство, на которое надо обратить внимание, задаваясь вопросом о причинах разлада человека с природной средой, — это изначально свойственные социальному развитию *стихийные предпосылки*, которые определяли в прошлом и по-прежнему во многом определяют его направленность. К ним относятся рост мирового населения, общественное разделение труда, функциональная дифференциация деятельности людей, усложнение структур общества, совершенствование производства и расширение круга потребностей людей, культурные и религиозные традиции. На протяжении истории возникали всё новые механизмы и институты общественного регулирования и контроля, которые с точки зрения больших временных периодов расширяли возможности развития. Но его направленность не была задана выбором, сделанным отдельными людьми или группами. Хотя каждый шаг на пути человеческой цивилизации определялся чьими-то желаниями, целями и действиями, общие результаты исторического процесса не замышлены, не являлись целью и не планировались ни одним отдельным человеком, ни многими людьми совместно. «Именно так движется человеческая история в целом; именно так совершалось и совершается совокупное историческое изменение человечества» [Элиас, 2001: 99].

Будучи результатом бесчисленного множества отдельных действий людей, побуждаемых разными, не совпадающими или противоположными мотивами и разными обстоятельствами, которые они сами не выбирали, социальное развитие не может не приводить к непредвиденным результатам. Уже на ранних этапах истории оно сопровождалось наступлением человека на дикую природу, вызывая (правда, сначала только в локальных масштабах) ощутимые экологические последствия. Когда позднее научно-технический прогресс дал новые мощные импульсы использованию «даровых услуг» природы, негативные побочные эффекты стали нарастать, но этому ещё не придавалось особого значения, так как природные ресурсы казались неисчерпаемыми. Как в прошлом, так в основном и сейчас временной и пространственный кругозор большинства людей ограни-

¹ «Ни одно из свидетельств, которыми мы располагаем, не указывает на то, что за столетия западного цивилизационного сдвига в природе также произошло нечто подобное, например, изменился климат или стала другой органическая природа человека» [Элиас, 2001: 74].

чен обычно повседневными нуждами и заботами. Побудительными мотивами деятельности были и в основном остаются сейчас индивидуальные стремления и цели, а не проблемы общественного целого и, тем более, не общечеловеческие интересы.

Долгосрочные интересы, отдалённые последствия принимаемых решений, горизонты будущего воспринимаются как нечто слишком неопределённое, чтобы исходить из этого в повседневной жизни. Будущее воспринимается скорее отстранённо и даже фаталистически: на наш век хватит, а там будь что будет. Проблема конфликта краткосрочных интересов с долгосрочными привлекла на Западе широкое внимание после появления в 1968 г. статьи американского эколога Г. Хардина «The Tragedy of the Commons». Суть проблемы Хардин иллюстрировал на модели замкнутой сельской общины, когда кто-то из её членов заводит у себя лишнюю единицу домашнего скота, рассчитывая увеличить свой доход без особых издержек, поскольку благодаря общему выгону они раскладываются на всех. Но вслед за ним так же могут поступить, и поступят, его соседи, и в результате община неминуемо терпит крах. Другими словами, если у отдельных индивидов появляется стимул увеличить свою долю в потреблении общих ресурсов, не имея возможности закрыть доступ к ним для других, то следствием этого становится сверхпотребление и в конечном счёте истощение ресурсов [Hardin, 1968]. Обсуждение этой проблемы получило в дальнейшем развитие во многих специальных публикациях. «Дилемму общих благ» (commons dilemma) стали относить к любым общедоступным нерегулируемым ресурсам: атмосфере, океанам, рекам, рыбным запасам и т. п.

Преобладание стихийных предпосылок придаёт социальному развитию инерционность, которая может обозначаться неким *вектором*, но не имеет общей высшей *цели*. Её нет, потому что не было и не могло быть заранее сделанного выбора, какого-то изначального общего замысла или плана. То, что получается «на выходе», в лучшем случае не совпадает с тем, чего желали отдельные участники, а в худшем — оборачивается такими последствиями, которых никто не хотел. Как формулируется это в терминах строгой математической логики, невозможно сведение индивидуальных функций полезности группы независимых и равноправных лиц в общую функцию полезности этой группы [Эрроу, 2004].

Иногда усматривают известный диссонанс между принадлежащей Марксу характеристикой человека как *общественного* существа и проявлениями эгоизма в поведении людей, особенно в его крайних формах, — высокомерием, властолюбием, алчностью, агрессивностью, бесчеловечностью [Чумаков, 2018: 268]. Маркс определял действительную сущность человека как «совокупность всех общественных отношений» [Маркс, 1955: 3]. *Всех* — это подразумевает, конечно, и отношения, опосредованные биосоциальной природой человека, его эгоистическими интересами, в какой бы форме они ни проявлялись. Как заметил Маркс в одной из своих ранних работ, для «эгоистического индивида» каждое его жизненное стремление «становится *потребностью, нуждой*, которая делает его

себялюбие любовью к другим вещам и другим людям, находящимся вне его <...> Таким образом, *естественная необходимость, свойства человеческого существа*, в каком бы отчуждённом виде они ни выступали, *интерес* – вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества» [Маркс, 1955: 134].

Для Маркса очевидным было, что человеческий род связывают и природные узы. Он возражал лишь против сведения человеческой сущности *только* к природным узам. А общественную сущность человека подчёркивал в противоположность апологии частного интереса и идеалистическим суждениям о человеке как абстрактном, изолированном индивиде. Констатация общественной сущности человека была важным аргументом в пользу представления о возможности альтернативного, коллективистского общественного устройства.

Справедливо вместе с тем замечание В. А. Ядова о том, что определение человека как общественного существа было сформулировано на уровне высокой абстракции и должно послужить для социологии лишь исходным философским принципом построения теории человеческой личности. Это определение, говорил Ядов, недостаточно для конкретного социологического исследования. Его необходимо дополнить с учётом реалий современного социального развития [Социология Ядова..., 2018: 253–254]¹.

Родовая сущность человека дуалистична, противоречива. Одним из проявлений этого является дихотомия *частного* и *общего* интересов. Частная жизнь людей с их особыми интересами и целями (во всём их неисчерпаемом многообразии) образует важнейшую сущностную сторону человеческого бытия. Но есть и другая его сторона – общие интересы, которые порождает сама частная жизнь. Они даны объективно, как взаимозависимость людей вследствие неизбежного разделения труда, как потребность в общении, в социальной защите и взаимопомощи, в решении таких задач, которые превосходят возможности отдельного человека (и которых со временем становится всё больше).

Буржуазное общество в силу самого своего характера гипертрофирует роль частного интереса. В основе капиталистического рыночного порядка лежат частные интересы, что нашло своё высшее выражение в абсолютизации принципа «священной» частной собственности, в приоритете юридической защиты права частной собственности. Законодательство Англии, заметил как-то О. Уайльд, ценит больше то, что человек имеет, чем то, что он есть. Рыночная мораль подчиняет человека, труд, даже природу ценовому механизму спроса и предложения, возводит в норму поведения максимизацию личной выгоды и минимизацию издержек, включая безотчётную готовность перекладывать их, если можно, на общество и на природную среду (т. н. экстерналии).

Когда в промышленно развитых странах сложились условия, позволившие удовлетворять базовые потребности основной массы населения, всё большую роль стали играть т. н. позиционные, или престижные, блага – сначала для

¹ Важным вкладом в решение этой задачи стала предложенная В. А. Ядовым *диспозиционная теория личности*, которая даёт убедительное объяснение механизма внутренней регуляции социального поведения индивидов с точки зрения их жизненных потребностей и объективных условий деятельности [Социология Ядова..., 2018: 409].

узкого круга людей с высокими доходами, но со временем становящиеся более доступными для массового спроса. На снижение их относительной полезности по мере расширения доступности рынок отвечает предложением новых товаров и услуг, стимулируя тем самым и даже навязывая новые потребности. Раскручивая спираль потребительских желаний, рынок эксплуатирует свойственное многим людям стремление выделиться, ощутить своё превосходство, прочие человеческие слабости и желание других не отстать от более успешных, втягивая всех в конкуренцию за повышение своей доли в доходах. *Потребительское общество*, ориентированное на максимизацию материальных благ и развлечений, создаёт постоянный запрос на поддержание темпов экономического роста, а это неизбежно ведёт к увеличению антропогенной нагрузки на окружающую среду.

Доминирование частных интересов при неравенстве исходных условий и шансов порождает имущественное и социальное расслоение. Несмотря на все попытки сократить крайнюю бедность и как-то сдержать рост сверхдоходов фискальными мерами, неравенство в мире продолжает расти. Согласно данным одного новейшего исследования, в мире 26 человек обладают таким же богатством, как и 3,8 млрд беднейших жителей планеты¹. Если сохранение массовой бедности — один из факторов деградации окружающей среды, то сверхбогатство — тормоз для эффективной экологической политики, т. к. богатейшие люди не очень в ней нуждаются, имея возможность создавать для себя комфортные условия в своих виллах за высокими заборами (*gated communities*).

Важнейшей чертой современного социального развития является наблюдаемое в последние десятилетия небывалое ускорение темпов научно-технического прогресса. Во многом это связано с геополитическим соперничеством великих держав, с гонкой вооружений. Во многом — с безудержной коммерциализацией достижений науки и техники. Рыночная конкуренция побуждает предпринимателей искать возможности для предложения всё новых видов или разновидностей товаров и услуг. Но они не могут начать их массовое производство, не обеспечив заранее спрос, для чего приходится прибегать к самой изощрённой рекламе и другим новейшим приёмам маркетинга, искусственно возбуждая новые потребности, часто иррациональные или даже вредные для здоровья людей и для окружающей среды [Варшавский, 2018]. Немалую роль в появлении проблемных, как их называют, инноваций играет тщеславие отдельных учёных и изобретателей, их соперничество в погоне за новизной и признанием их первенства на поприще реальных или мнимых открытий, меркантильные интересы.

Надо осознать стихийные предпосылки развития, чтобы подчинить его сознательному контролю, — эта мысль Маркса как никогда актуальна в наше время. Если индивидуальный и групповой эгоизм (в его негативных проявлениях) как-то сдерживается выработанными цивилизацией механизмами общественного

¹ SDGs Today. Widening inequality; a universal issue. How the unprecedented gap between the haves and have nots stands in the way of a sustainable future. URL: <https://sdgs/undp.org/2019-inequality/en/our work.html> (дата обращения: 19.08.2019).

контроля и самоконтроля, то с *национальным и национально-государственным* эгоизмом дело обстоит гораздо хуже. Общий дом человечества становится всё более тесным, а там, где тесно (как в коммунальной квартире) и где доступные для использования ресурсы ограничены, а разительное неравенство условий жизни обнаруживается столь непосредственным и наглядным образом, как сейчас, там больше возможностей для столкновения интересов. Озабоченность национальным суверенитетом и обострённая чувствительность к национальным интересам, подлинным или мнимым, несмотря на существующие общие угрозы, всё больше сказываются на общем положении в мире. Разрастание очагов ненависти и вражды сопровождается новыми витками гонки вооружений, усилением международной напряжённости и дальнейшим углублением глобального экологического кризиса. Мир всё больше «отклоняется» от оптимальной с точки зрения общего блага траектории развития, а угроза катастрофических последствий для жизни на Земле возрастает.

Направляемое развитие: возможно ли?

*...Культура, – если она развивается стихийно,
а не **направляется сознательно** <...>, –
оставляет после себя пустыню...*

К. Маркс

История знает немало мыслителей, задумывавшихся об устройстве общества на более разумных началах. Особое место принадлежит здесь эпохе Просвещения, деятелей которой вдохновляла вера в верховенство Разума и социальный прогресс. Эта эпоха дала мощный импульс распространению научных знаний, социалистических и коммунистических идей, движений за права и свободы человека, реформаторских опытов. Несмотря на многие разочарования, которые принесли в последующем и вера в прогресс, и эти идеи и движения, сама жизнь, растущее значение общих интересов заставляли правящие круги более цивилизованных стран непосредственно вникать в проблемы социального развития, которые не получали и не могли получить решения на рыночной основе, такие, как социальное страхование, народное образование, здравоохранение, городская инфраструктура, общественная безопасность... В этом проявлялся своего рода «невольный коллективизм», который, вопреки господству частно-собственнических отношений, в той или иной мере стал пробивать себе дорогу в силу действия объективных причин.

Многое изменилось в современном мире по сравнению с эпохой «дикого» капитализма, но развитие человечества в основе своей и теперь остаётся непреднамеренным результатом решений и действий множества отдельных субъектов разного уровня и формата с их разными интересами, взаимными претензиями,

соперничеством и часто непримиримыми взглядами. Фурии частного интереса, эти «самые яростные, самые низменные и самые отвратительные страсти человеческой души» [Маркс, 1960: 10], как и прежде, отравляют социально-политическую атмосферу, препятствуя объединению усилий в ответ на глобальные вызовы.

Коллективистские стимулы и мотивы оттесняются куда-то на периферию общественного сознания, тогда как здравый смысл подсказывает необходимость изменения модели развития в направлении подчинения частных интересов общим. Лишь такое соотношение может быть оптимальным в современных условиях с точки зрения возможности обеспечить и выживание человечества, и реализацию общественно признанных частных интересов большинства людей. Симптоматично, что в последние годы известные общественно-политические деятели стали выступать с публичной критикой существующей системы и призывать к смене модели социально-экономического развития. Президент Франции Э. Макрон, выступая на ежегодном совещании послов в августе 2019 г., заговорил о проекте «новой цивилизации», о необходимости глубоких изменений самой парадигмы развития и предложил «всерьёз подумать о поисках нового равновесия в этой системе», чтобы «вернуть контроль над нашей жизнью», «осмыслить это и действовать соответственно...»¹.

Но дистанция, отделяющая отдельные откровенные и смелые заявления от действительной политики, велика. В общественно-политических кругах, да и в научном сообществе, сценарии ответа на вызовы современности видятся по-разному. С известной долей условности можно выделить следующие: а) гегемонистский; б) экономистский; в) биосоциальный; г) техноцентрический; е) сценарий устойчивого развития.

Гегемонистский сценарий — это выбор неоконсервативного крыла американского истеблишмента. Полагаясь на военную мощь и экономический потенциал США, они связывают гарантии национальной безопасности с сохранением глобальной гегемонии Америки, так как угрозу для своей страны, потребляющей львиную долю мировых ресурсов, видят в стремлении народов и государств беднейшей части мира развивать свою экономику и повышать уровень жизни населения, что требует, естественно, расширения доступа к мировым ресурсам. Но они ограничены. Поэтому любое противодействие своим гегемонистским устремлениям правящие круги США воспринимают как вызов. Эта политика недальновидна. Вековая западная гегемония, по признанию того же Макрона, приходит к концу. Способны ли осознать это приверженцы американского гегемонизма?

Экономистский сценарий. По мнению сторонников неолиберального экономического роста, наилучший способ действий в сложившихся условиях — форсирование экономического роста, что должно принести средства для адаптации к измене-

¹ Выступление президента Франции Э. Макрона на ежегодном совещании послов Франции 27 августа 2019 г. URL: <https://www.elysee.fr/.../discours-du-president-de-la-republique...> (дата обращения: 05.09.2019).

ниям в природной среде. В логику экономизма вписывается, по существу, теория экономической социодинамики, назначение которой – обеспечить ускорение темпов экономического роста. Согласно этой теории, государство как «обычный субъект рынка» должно производить и поставлять «социальные полезности» в качестве «товара». Под этим подразумеваются так называемые «опекаемые блага», относящиеся к сфере культуры, науки, образования и здравоохранения. Предполагается, что государство в качестве самостоятельного рыночного игрока может обеспечить равновесие между ресурсными возможностями рынка и мерой справедливости в распределении этих «социальных полезностей». Однако презумпция «рыночной справедливости» настолько неубедительна, что авторы вынуждены были оговорить: адекватный механизм рыночного поведения государства надо ещё найти [Гринберг, Рубинштейн, 2000].

Биосоциальный сценарий. Некоторые специалисты в области естественных наук продолжают придерживаться распространённой в прошлом концепции органицизма, уподобляющей развитие общества природной эволюции. Вызываемые влиянием человеческой деятельности изменения в земных экосистемах рассматриваются в этой парадигме как свидетельство «эволюционного прогресса, основанного на выживании наиболее приспособленных». Хаотическая динамика в развитии современных обществ трактуется как норма, как «способ самоорганизации в пределах эволюционного тренда». Этому не следует мешать какими-то искусственными мерами, полезность которых не доказана и которые могут оказаться вредными. Рекомендуются, по сути дела, предоставить дела человеческие стихийному ходу событий [Снакин, 2016; Иванов, Снакин, 2016].

Техноцентрический сценарий. Набирающий темпы технологический переворот, получивший название Четвёртой промышленной революции, внушает энтузиастам цифровизации, роботизации, био- и нанотехнологий уверенность в том, что это и есть магистральный путь решения всех проблем. Технооптимисты вдохновляются, в частности, теорией креативного разрушения Й. Шумпетера, восторгаются натиском «прерывающих» (disruptive) технологий, делающих ненужными и элиминирующими существующие, связывая с этим перспективу становления «нового мира изобилия». Но если кому-то это и принесет изобилие, то большинство столкнётся скорее с дальнейшим истощением природных ресурсов, с вытеснением людей из сферы привычной трудовой деятельности в ряды прекариата или с превращением в придаток «умной» техники, с опасными экспериментами по «усовершенствованию» человеческой природы и т. п. Техницизм, форсируемый вне связи с адаптационными возможностями человека, состоянием культуры, нравственности, таит в себе опасности¹.

¹ На лихорадочное ускорение темпов жизни массовое сознание уже отвечает ностальгией по прошлому, особой контркультурой «медленной жизни» – более спокойной, размеренной, избавленной от постоянных страхов и стрессов. Отсюда – появление нового социологического понятия «ретротопия» [Бауман, 2019].

Обеспокоенные эксперты предостерегают от того, что неконтролируемое саморазвитие технологий искусственного интеллекта способно привести к необратимому процессу разрушения цивилизации.

Сценарий устойчивого развития. Концепция устойчивого развития возникла как попытка переосмысления, переопределения повестки дня мирового развития в свете вызовов, с которыми столкнулось человечество в XX в., как поиск возможности изменить положение вещей таким образом, чтобы развитие общества не подрывало природных условий существования человека сегодня и в будущем. Концепция устойчивого развития отличается тем, что она *прагматична*, что её современное расширенное понимание охватывает экономические, социальные и экологические проблемы в их *взаимосвязи* и что, наконец, она исходит из *гуманистических ценностей* в качестве критерия политики, направленной на подчинение стихийных начал развития сознательному контролю общества.

У этой концепции оказалась сложная судьба. Получив сначала широкое признание мировой общественности, она вскоре стала терять привлекательность в глазах сильных мира сего, увлечшихся перспективами рыночного глобализма. Формальное признание сопровождалось выхолащиванием идеи, подменой её требованиями «устойчивого роста». Но жизнь заставляла снова и снова возвращаться к этой идее. В 2000 г. саммит ООН одобрил первую программу целей устойчивого развития, в 2015 г. — новую программу, рассчитанную на период до 2030 г.

Однако на практике цели устойчивого развития пока не стали приоритетными ни в мировой политике, ни в повседневном поведении людей. Тому есть много причин. Здесь затрагиваются глубинные основы человеческой психологии, вековые традиции и привычки, частные интересы, будь то личные, групповые или национальные. Явное или неявное сопротивление исходит с разных сторон — от политиков, озабоченных текущими задачами дня или ближайшими выборами, от консервативных кругов, убеждённых в преимуществах «свободного рынка», от тех, кто усматривает в концепции устойчивого развития скрытую «коллективистскую» опасность и угрозу свободе личности.

Принятые ООН документы — важный шаг к признанию принципа программируемого развития. Но программные документы сами по себе ничего не изменят, пока принцип устойчивого развития не возобладает всерьёз как в умах политических лидеров, так и в общественном сознании, в поведении людей, в их отношении к природе. На смену утилитарному, потребительскому отношению к внешней природе должна прийти иная ценностная ориентация — осознание самоценности природы, ограниченности доступных ресурсов, невозможности бесконечного экономического роста, этические принципы достаточности, умеренности и ответственности. Экологические ценности постепенно входят в общественное сознание, но разрыв между пассивным (вербальным) и активным (действенным) экологическим сознанием снижает его реальную эффективность.

Между тем критики обнаружили в программе целей ООН «скрытый парадокс», на который обращает внимание последний доклад Римского клуба. При сопоставлении ранжирования стран одновременно по уровню социально-экономического развития и величине экологического следа оказывается, что нет ни одной страны, у которой оба параметра отвечали бы целям устойчивого развития. Экологический след большинства развитых стран намного превышает порог биоёмкости, тогда как большинство стран, которые не вышли за этот порог, отличаются низким уровнем социально-экономического развития. Если исходить из того, что намеченные цели социально-экономического развития будут достигнуты во всех странах, то можно ожидать, что средний экологический след составит 4–10 гга/чел. Это значит, что мировому населению в этом случае потребовалось бы от 2 до 5 таких планет, как Земля [Weizsäcker, Wijkman, 2018: 43–44].

Отсутствие строгой корреляции целей в какой-то мере объяснимо, ведь речь идёт о компромиссном соглашении, определившем содержание одного из начальных этапов реализации этой программы, рассчитанной на весь XXI в. Она подразумевает, естественно, необходимые коррективы с учётом результатов, достигнутых на предшествующих этапах. Но бесспорным представляется и вывод авторов доклада Римского клуба: мировое сообщество нуждается в *фундаментальном пересмотре* всего технологического, экономического и политического подхода к тому, как развитие практиковалось на протяжении многих десятилетий [Weizsäcker, Wijkman, 2018: 44]¹.

Когда и как это произойдёт, трудно сказать. Впереди долгий и трудный путь. Речь идёт о долгосрочных целях, решаемых лишь в вековом масштабе. Потребуется усилия нескольких поколений, чтобы достичь желаемого результата. Возможно, человечеству придётся пережить ещё жесточайшие потрясения, прежде чем в сознании людей произойдёт мировоззренческий поворот такого масштаба, чтобы это привело к изменению вектора цивилизационного развития в нужном направлении.

Устойчивое развитие — это *направляемое* развитие, основанное на предвидении отдалённых последствий человеческой деятельности. Направляемое не директивно, а посредством разумных правил, правовых норм, действующих в качестве элементов системы саморегулирования, самоуправления, — подобно тому, как регулируется современное дорожное движение, требующее от его участников не отказа от свободы выбора, а соблюдения правил вождения и указаний дорожных знаков, без чего дорожное движение было бы невозможным.

У современных обществ, в отличие от прошлых, есть широкий и эффективный инструментарий для того, чтобы заранее учитывать нежелательные последствия социально-экономического развития и должным образом регулировать его, «приручая» рыночные силы: вездесущее государство с его разветвлённым многофункциональным аппаратом, другие институты публичной сферы, мощный научный и образовательный потенциал, правовые системы, новейшие информационно-коммуникационные тех-

¹ Развёрнутое аргументированное обоснование возможностей и реальных выгод перехода к экологически ориентированной модели развития см.: [The New Climate..., 2018].

нологии. Всё зависит от общего уровня культуры, зрелости общественного сознания, принятых этических норм, укоренённости демократических принципов, качества политического руководства и особенно от политической воли руководителей государств к налаживанию эффективного сотрудничества в общих интересах.

Но велика и инерция сопротивления эгоистических интересов тех общественных сил, для которых всякая форма сознательного контроля социального развития есть покушение на так называемые либеральные ценности. Поэтому будущее остаётся неопределённым. Оно таит в себе возможность разных исходов, в том числе катастрофического. Избежать худшего можно лишь в том случае, если большинство государств станут исходить в своих действиях на мировой арене из той высшей цели, какой должно быть сохранение на планете условий для выживания человечества.

Список литературы

Бауман, З. Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019. 160 с.

Варшавский, А. Е. Проблемные инновации: риски для человечества: Экономические, социальные и этические аспекты. М.: URSS, 2018. 328 с.

Горшков, В. Г. Физические и биологические основы устойчивости жизни. М.: ВИНТИ, 1995. 470 с.

Гринберг, Р. С., Рубинштейн, А. Я. Экономическая социодинамика. М.: ИСЭ-Пресс, 2000. 278 с.

Данилов-Данильян, В. И. Возможна ли коэволюция природы и общества? М.: Экопресс, 1998. 20 с.

Доклад о климатических рисках на территории Российской Федерации. Росгидромет. Санкт-Петербург, 2017. 106 с. [Электронный ресурс] // Климатический центр Росгидромета: [сайт]. URL: <https://cc.voeikovmgo.ru/images/dokumenty/2017/riski.pdf> (дата обращения: 23.09.2019).

Иванов, О. П., Снакин, В. В. Глобализация с позиций экологии, синергетики и теории сложных систем // Век глобализации. 2016. № 4 (20). С. 3–12.

Маркс, К. Капитал. Том первый // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1960. Т. 23.

Маркс, К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 3.

Маркс, К., Энгельс, Ф. Святое семейство, или критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Госполитиздат, 1955. Т. 2.

Моисеев, Н. Н. Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995. 376 с.

Порфирьев, Б. Н., Макарова, Е. А. Экономическая оценка ущерба от природных бедствий и катастроф [Электронный ресурс] // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 12. С. 1059–1072. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=4e5392e3-90c6-4617-afce-b23b310ae7ad> (дата обращения: 10.03.2016). DOI: 10.7868/S0869587314120123

Снакин, В. В. Путь к устойчивому развитию: мифы и реальность // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 80–86.

Социология Ядова: методологический разговор [Избранные труды В. А. Ядова] / ФНИСЦ РАН; Ред. сост., авторы предисл.: Е. Н. Данилова, Л. А. Козлова, П. М. Козырева, О. А. Оберемко. М.: Новый хронограф, 2018. 944 с.

Федотов, А. П. Глобалистика: Начала науки о современном мире: Курс лекций / А. П. Федотов. М.: Аспект Пресс, 2002. 224 с.

Чумаков, А. Н. Глобальный мир: столкновение интересов: монография. М.: Проспект, 2018. 512 с.

Элиас, Н. Общество индивидов: пер. с нем. М.: Практис, 2001. 336 с.

Эрроу, К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности: пер. с англ. / К. Д. Эрроу; науч. ред. пер., авт. предисл., послесл. Ф. Т. Алескеров. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. 204 с.

Яницкий, О. Н. Социобиотехнические системы: новый взгляд на взаимодействие человека и природы // Социологическая наука и социальная практика. 2016. Т. 4. № 3. С. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4574>.

Hardin, G. The Tragedy of the Commons // Science, New Series, Vol. 162, N 3859 (Dec. 1968), pp. 1243–1248. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.jstor.org/stable/1724745> (дата обращения: 15.09.2019).

Inclusive Wealth Report 2018: Executive Summary. [Электронный ресурс] // URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/26776/Inclusive_Wealth_ES.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 30.10.2019).

The New Climate Economy. The 2018 Report of the Global Commission on the Economy and Climate. [Электронный ресурс] // URL: https://newclimateeconomy.report/2018/wp-content/uploads/sites/6/2019/04/NCE_2018_Report_Full_FINAL.pdf (дата обращения: 01.11.2019).

Upton, S. Air Pollution's True Costs // Project Syndicate [Электронный ресурс] // URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/human-cost-of-air-pollution-by-simon-upton-2016-08> (дата обращения: 15.12.2016).

Weizsäcker, E. U. von, Wijkman, A. Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018. New York: Springer, 2018. 220 p.

Wending, Z. A., Emerson, J. W., Esty, D. C., Levy, M. A., de Sherbinin, A., et al. 2018 Environmental Performance Index. New Haven, LT: Yale Center for Environmental Law & Policy. [Электронный ресурс] // URL: <https://epi.envirocenter.yale.edu/downloads/epi2018reportv06191901.pdf>

Дата поступления в редакцию: 25.10.2019. Принято к печати: 29.11.2019.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вебер Александр Борисович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: mailbox@polisma.ru

AuthorID РИНЦ: 490643

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7092

Why Does Social Development Lead to a Discord Between Man and Nature

Aleksander B. Veber¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

24/35, b. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow, Russia, 117218

For citation: Veber, A. B. (2020). Why does Social Development Lead to a Discord Between Man and Nature. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. Vol. 8. № 1. P. 9–26. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.1.7092

Abstract. The article addresses the questions of social development related to the issue of the relationship between society and nature. The subject of social development is man endowed with *reason*, that is, the ability to create tools for living, using natural resources for his or her own interests and goals. But in this there is no common purpose accepted in advance, the *vector* of development is determined by the elemental background, as the combined result of the actions of many people impelled by various motives under circumstances that they themselves did not choose. An unintended consequence of this development is the disruption of the natural environment, first the local, and with the transition to the industrial era, the global. The role of man in this process is due to his dualistic ancestral nature, the dichotomy of *private* and *common* interests. Modern society hypertrophies private interests, giving rise to a type of “selfish individual” with consumer expectations, and economic growth which has already gone beyond the biosphere potential of the planet. Awareness of the elemental background of development leads to an understanding of the need for conscious regulation and control. Instead of development aimed at private interests, there should come development aimed at the common interests of survival and the preservation of nature in a condition suitable for life. The concept of *sustainable development* is aimed at such a perspective. It is impossible to force the biosphere to develop “for man”, but it is possible to change values, behavior, production methods and consumer habits “for nature”. It is a long and difficult path, and the inertia of resistance is great, so the future remains uncertain.

Keywords: social development; natural environment; society of individuals; human essence; private interests; common interests; awareness of spontaneity; limits of growth; sustainable development.

REFERENCES

- Bauman Z. (2019). *Retrotopiya*. [Retrotope]. Ed. by O. A. Oberemko. M.: VTSIOM publ., 160 p. (In Russ.).
- Chumakov A. N. (2018). *Global'nyj mir: stolknovenie interesov*. [Global world: clash of interests]. M.: Prospekt publ., 512 p. (In Russ.).
- Elias N. (2001). *Obschestvo individov*. [Society of individuals]. M.: Praxis publ., 336 p. (In Russ.).
- Errou K. Dzh. (2004). *Kollektivnyj vybor i individual'nye tsennosti*. [Collective choice and individual values]. Ed. by F. T. Aleskerov. M.: Izdatel'skij dom GU VSHE publ., 204 p. (In Russ.).
- Fedotov A. P. (2002). *Globalistika: Nachala nauki o sovremennom mire*. [Globalistics: the beginnings of science about the modern world]. M.: Aspekt Press publ., 224 p. (In Russ.).
- Gorshkov V. G. (1995). *Fizicheskie i biologicheskie osnovy ustojchivosti zhizni*. [Physical and biological foundations of life stability]. M.: VINITI publ., 470 p. (In Russ.).
- Grinberg R. S., Rubinshtejn, A. Ya. (2000). *Ekonomicheskaya sotsiodinamika*. [Economic sociodynamics]. M.: ISE-Press publ., 278 p. (In Russ.).
- Danilov-Danil'yan V. I. (1998). *Vozmozhna li koevoljutsiya prirody i obschestva?* [Is it possible to co-evolve nature and society?]. M.: Ekopress publ., 20 p. (In Russ.).
- Doklad o klimaticheskikh riskakh na territorii Rossijskoj Federatsii*. (2017). [Report on climate risks in the Russian Federation]. Rosgidromet. Sankt-Peterburg, 106 p. URL: <https://cc.voeikovmgo.ru/images/dokumenty/2017/riski.pdf> (data obrascheniya: 23.09.2019). (In Russ.).
- Ivanov O. P., Snakin, V. V. (2016). Globalizatsiya s pozitsij ekologii, sinergetiki i teorii slozhnykh system. [Globalization from the perspective of ecology, synergetics, and the theory of complex systems]. *Vek globalizatsii*. № 4 (20). P. 3–12. (In Russ.).
- Marks K. (1960). *Kapital. Tom pervyj*. [Capital. Volume one]. M.: Gospolitizdat publ., T. 23. (In Russ.).
- Marks K. (1955). *Tezisy o Fejrbakhe*. [Theses on Feuerbach]. M.: Gospolitizdat publ., T. 3. (In Russ.).

Marks K., Engel's F. (1955). *Svyatoe semejstvo, ili kritika kriticheskoy kritiki protiv Bruno Bauera i kompanii*. [The holy family, or critique of critical criticism against Bruno Bauer and company]. M.: Gospolitizdat publ., T. 2. (In Russ.).

Moiseev N. N. (1995). *Sovremennyj ratsionalizm*. [Modern rationalism]. M.: MGVP KOKS publ., 376 p. (In Russ.).

Porfir'ev B. N., Makarova E. A. (2014). Ekonomicheskaya otsenka uscherba ot prirodnykh bedstvii i katastrof. [Economic assessment of damage from natural disasters and catastrophes]. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk*. T. 84. № 12. P. 1059–1072. URL: <http://www.ras.ru/FStorage/Download.aspx?id=4e5392e3-90c6-4617-afce-b23b310ae7ad> (data obrascheniya: 10.03.2016). DOI: 10.7868/S0869587314120123 (In Russ.).

Snakin V. V. (2016). Put' k ustojchivomu razvitiyu: mify i real'nost'. [The path to sustainable development: myths and reality]. *Vek globalizatsii*. № 1–2. P. 80–86. (In Russ.).

Sotsiologiya Yadova: metodologicheskij razgovor. (2018). [Yadov's sociology: a methodological conversation]. Ed. by E. N. Danilova, L. A. Kozlova, P. M. Kozyreva, O. A. Oberemko. M.: Novyj khronograf publ., 944 p. (In Russ.).

Varshavskij A. E. (2018). Problemnye innovatsii: riski dlya chelovechestva: Ekonomicheskie, sotsial'nye i eticheskie aspekty. [The problematic of the innovation: the risks to humanity: economic, social and ethical aspects]. M.: URSS publ., 328 p. (In Russ.).

Yanitskij O. N. (2016). Sotsiobiotekhicheskie sistemy: novyj vzglyad na vzaimodejstvie cheloveka i prirody. [Socialisticheskaya system: a new look at the interaction of man and nature]. *Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika*. T. 4. № 3. P. 5–22. DOI: <https://doi.org/10.19181/snsp.2016.4.3.4574> (In Russ.).

Hardin G. (Dec. 1968). The Tragedy of the Commons. *Science, New Series*. Vol. 162. N 3859. P. 1243–1248. URL: <http://www.jstor.org/stable/1724745> (date of access: 15.09.2019).

Inclusive Wealth Report 2018: Executive Summary. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/26776/Inclusive_Wealth_ES.pdf?sequence=1&isAllowed=y (date of access: 30.10.2019).

The New Climate Economy. The 2018 Report of the Global Commission on the Economy and Climate. URL: https://newclimateeconomy.report/2018/wp-content/uploads/sites/6/2019/04/NCE_2018_Report_Full_FINAL.pdf (date of access: 01.11.2019).

Upton S. Air Pollution's True Costs. *Project Syndicate*. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/human-cost-of-air-pollution-by-simon-upton-2016-08> (date of access: 15.12.2016).

Weizsäcker, E. U. von, Wijkman, A. (2018). *Come on! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Prepared for the Club of Rome's 50th Anniversary in 2018*. New York: Springer, 220 p.

Wending, Z. A., Emerson, J. W., Esty, D. C., Levy, M. A., de Sherbinin, A., et al. (2018). *Environmental Performance Index*. New Haven, LT: Yale Center for Environmental Law & Policy. URL: <https://epi.envirocenter.yale.edu/downloads/epi2018reportv06191901.pdf> (date of access: 01.11.2019).

The article was submitted on October 25, 2019. Accepted on December 10, 2019.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veber Aleksander Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: mailbox@polisma.ru